

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея ЛИТВИНОВЫХ:

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче
Главная партия для третьей скрипки
Мертвые не лгут
Девушка не нашего круга
Я все скажу
Пять строк из прошлого
Бездна с мягкими стенами

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вожделения №1
Оскар за убийную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда

Три последних дня
Незримая связь
Джульетта стреляет первой
Жемчужные тени
Вижу вас из облаков
Звонок с неизвестного номера
На один удар больше

Сериал

«Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернутся не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной
Свадьбы не будет
#останься дома и стреляй!
Смерть за добрые дела
Красивая женщина умирает
дважды
Смерть в изумрудных глазах

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры

Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета
Завтра может не быть
Колесницы судьбы
Ведьма приходит по понедельникам

**Сериал «Римма и Паша Синичкин,
частные детективы»**

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников
Почтовый голубь мертв
Грехи отцов отпускают дети
Брат ответит
Любить, бояться, убивать
Улыбка смерти на устах
Она исчезла
Ветер из рая

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто
Тебя убьют первым

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир
Карнавал насмерть
Продавец вечности
Удаленная любовь





АННА  СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

ЗАГОВОР НЕБЕС



МОСКВА



УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Заговор небес : роман / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-249752-0

Кому и зачем понадобилось жестоко и расчетливо устранять со своего пути четырех с юности друживших девушек? Отравившись грибами, умирает за праздничным столом одна. Другая заживо сгорает в собственной квартире. Третья едва не погибает в автомобильной катастрофе, а четвертую преследует маньяк-убийца... Кто он? Где искать его следы? В настоящем или в далеком прошлом, когда «четверка» увлеченно занималась парашютным спортом и главным в их жизни была страсть к рискованным прыжкам?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-249752-0

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Пролог

*Катя Калашникова,
Москва,
5 января*

Катя включила первую передачу и проехала еще семь метров.

Открыла окно и прикурила сигарету.

Впоследствии она еще не раз вспомнит и эту сигарету, и это открытое окно. И будет думать, что опущенное стекло тогда спасло ей жизнь.

Катя затянулась легким «Кентом» и стряхнула пепел за борт авто, в сырую ночь.

Пробка на пересечении Страстного бульвара и Малой Дмитровки казалась бесконечной. Слева от Кати торчал крутой «Мерседес» с затененными стеклами. Справа тащилась «девятка». Впереди горели стоп-сигналы «Лексуса». Сзади напирал джип с включенным дальним светом. Откуда их столько выползло, этих крутых тачек?! Время-то к ночи...

Лениво летели снежинки, колеса месили столичную слякоть. Зимняя темнота давно опустилась над Москвой. Но кругом горела новогодняя реклама, бесновались огни на нижнем этаже кинотеатра «Россия» — там нынче располагалось казино. Впереди, на перекрестке, было светло, как днем. Мимо застрявших в пробке машин проходили, лавируя, красиво одетые пешеходы. Они были хорошо видны в ярком свете московских фонарей. Катя машинально отметила: девушки — даже нет, какие там девушки, девчонки! — почти все, словно в униформу, затянуты в пальто от «Максмары» и «Валентино» (от семисот условных единиц, если покупать в «Галерее Актер»). Лица — щедро сдобрены дорогой косметикой.

Катя старалась спокойно относиться к тому, что ей

приходится донашивать купленное еще в Париже пальтишко, а косметику от Диора использовать только в особых случаях. В обычные же, рабочие дни лишь слегка подводить глаза да пудрить нос. Но все равно немного обидно, когда мимо шуршат красивые, расслабленные и явно не напрягающиеся на работе девчонки, которые выбирают, в какой бы ресторан зарулить, — а ты, уставшая и бледная, можешь себе позволить только домашний ужин. Пусть праздничный, но домашний...

«Москва — неправильный город. А ее центр — вообще сплошная обманка. Здесь все настолько красиво, что кажется, будто по всей России так. Что где-нибудь в Лебедяни или Скопине точно так же толпятся на перекрестках дорогие машины, а между ними проплывают беззаботные и успешные люди», — думала Катя.

Трудно было представить, что всего в получасе езды отсюда глухой и темный вечер лежит над московскими спальными окраинами — и простирается дальше, дальше, над всею бескрайней Россией.

«С ума сойти — пробка в Москве в десять вечера, — подумала Катюша, инстинктивно включая первую передачу и проползая очередные пять метров. — Я пробки ночью только в Париже видывала... Куда они все едут? В гости? В кино? В ночные клубы?... И ведь есть же у людей деньги... Москва стала почти Парижем... — усмехнулась про себя Катя. — А все ж таки — не Парижем... Там-то любой, если он не клошар, может сесть в машину и поехать коротать вечер в любимое кафе... А у нас? У нас, наверно, это по кошельку лишь одному из тысячи... Или из десяти тысяч... Ворам, проституткам, банкирам, «деловым»... У меня вот еще хватает денег, чтобы проехаться на машине, — а вечер в кафе уже не по карману... С долгом за авто вот уже полтора года не рассчитаемся... А ведь машина-то — кроха, малолитражка!.. В Париже на таких студентки ездят...»

Светофор на пересечении Дмитровки и бульвара снова загорелся зеленым, и Катюша (вместе со своим оранжевым «Фиатом Пунто») проехала еще два десятка шагов. Кажется, в следующий заход она наконец минует перекресток.

Свет от казино, что расположилось на нижнем этаже бывшего кинотеатра «Россия» (теперь «Пушкинского»), стал ярче. «А помнишь, — спросила саму себя Катя (автомобильные пробки всегда располагали ее к воспоминаниям и рефлексиям), — там, на месте этого «Шангри-Ла» (или как там его?) раньше был зал мультфильмов, и ты вместе с влюбленным одноклассником Юркой туда бегала смотреть «Тайну третьей планеты»?.. Ох, какой был мультик! Добрый, азартный, светлый... Потому что наш, советский... Не чета тем голливудским и японским, которыми сейчас детишек травят...»

Воспоминания, связанные именно с этим местом в Москве — пересечением Бульварного кольца и Пушкинской улицы (сейчас зачем-то переименованной в Большую и Малую Дмитровку, хотя Катя, как и большинство москвичей, никогда не помнила, где Большая, где Малая...) — все эти воспоминания вдруг чередой нахлынули на Катю. «А помнишь, — подумалось ей, — когда ты уже училась на первом курсе — ты поймала в документальном зале «России» фильм Ромма «А все-таки я верю»?.. Сильное, умное, страстное кино... Такие документальные фильмы нынче не делают... Да и кто их сегодня будет смотреть — документальные... Вот и на месте того зала теперь вместо фильма Ромма — рулетка да игральные автоматы...»

Через открытое переднее стекло автомобиля проникал промозглый воздух: бензиновый, зимний, простудный — но такой привычный, такой московский... Катюша стряхнула пепел в открытое окно. На перекрестке, похоже, произошел затор: traffic jam, как это называют американцы. Одни машины еще не успели покинуть скрещение улиц, а им наперерез наползали другие. Все отчаянно сигналили. Катя за десять лет московского безумного вождения научилась не поддаваться дорожному психозу. Она сидела спокойно: покуривала, слушала радио — и вспоминала.

Катя вспомнила тот же кинотеатр «Россия» — и кинофестиваль. В каком году это было? Кажется, в восьмидесят седьмом... Восторг перестройки... Здесь она впервые переводила фильм... В большом зале... Куча наро-

ду... «Нет ли лишнего билетика?»... Волновалась — ужасно... Листочки с синхронном тогда почему-то не подвезли... Приходилось лепить текст, как слышалось с экрана... А фильм-то был не простой — знаменитое «Кабаре»... Ох, сколько же я там со страху отсебятины навыдумывала!.. Боб Фосс, наверное, с ума б сошел, когда бы слышал меня... И если бы знал при этом русский... А ведь никто в зале моих ошибок тогда, кажется, не заметил... И зрители после просмотра хлопали не только Лайзе Минелли, но и, похоже, ей, Кате... После того синхрона она впервые поверила в себя как в переводчика... Какая же она тогда была молодая, наглая и безмятежная!.. Двадцать лет, джинсы «Ливайс», грубошерстный свитер на голое тело, первый синхрон, первый прыжок, первая любовь... Боже, как же давно это было!.. И как все переменялось!.. И далеко не все — в лучшую сторону...

Авто по-прежнему стояли недвижимы, рычали моторами на холостых оборотах. По радио передавали песню из нового фильма про Джеймса Бонда. «The world is по-о-от enough!..» — заливалась солистка «Garbadge».

От музыки, от расслабленности, от воспоминаний Катюшу вдруг отвлекла фигура, которая отделилась слева, с тротуара. Она вышла откуда-то из полутьмы того здания, что предшествовало «России». (Там, кажется, находилась редакция «Нового мира».) Катя заметила фигуру боковым зрением. Сперва не обратила на нее внимания. «Прохожий... Или рекламные листовки раздает, — подумала она. — Или флаерсы...»

Однако человек целеустремленно шел именно к ее машине. Он сосредоточенно миновал другие автомобили. И соседний «мерс» прошел, не остановившись.

И Катя повернула к нему голову. В первый момент она не поверила своим глазам: так страшно это было. Прямо на нее двигалась черная фигура. Лица не было. Его целиком закрывала маска.

Человек подошел к Катиной машине почти вплотную. В опущенной руке он что-то держал. Маска ничего не выражала. Кажется, на голове у человека был чулок. Он наглухо закрывал все лицо.

Вот человек уже в двух шагах от нее. Да, он идет именно к ней. Это было страшно, словно во сне. Надо бежать, но ты не можешь пошевелиться... Катя замерла как замороженная. Человек вскинул руку. В руке было что-то черное. Похоже, пистолет.

И вот уже пистолет в полуметре от лица Кати. Направлен прямо на нее. Катюша остановившимся взглядом смотрела на него — прямо в черное дуло.

И в лицо — без лица.

«Это тебе за Настю!» — хрипло проговорил человек в черном.

И в этот момент сзади Кати истошным паровозным гудком загудел джип. Светофор только что открылся, машина, стоявшая впереди, уже рванулась, а Катя замешкалась. Перед капотом ее авто образовалось свободное пространство. Автоматически реагируя на гудок — а отнюдь не на пистолетную угрозу! — Катя резко бросила свой «Фиат» вперед.

Ее автомобиль дернулся, взвизгнули шины. Старт получился, как у Шумахера.

Глухо раздался выстрел.

Затем, вслед, еще один.

Катя вылетела на перекресток. Она с такой страстью давила на акселератор, что едва не въехала в зад затормозившего впереди автомобиля. Не замечая ничего вокруг, изо всех сил нажала на тормоз. Ее машина резко остановилась. До бампера переднего «Лексуса» оставалось сантиметра четыре. Сзади тоже взвизгнули тормоза, а следом раздался долгий, сродни длиннейшему ругательству, сигнал джиппера. Катя ему даже виновато рукой не махнула — как делала всегда, если случалось создавать помехи другим водителям. Она ничего не соображала. Все было еще менее реально, чем во сне.

Впереди идущая машина снова поехала, и Катюша, как автомат, тронулась следом. Она не помнила себя и не видела окружающего.

Очнулась лишь на Тверской, возле гостиницы «Минск». Как она здесь оказалась? Что было потом, после выстрелов? Она ничего не помнила. Машины, как всегда, равнодушно скользили по Тверской к Маяковке, весело

подсвечивали фарами, мигали стоп-сигналами. «О господи! — проговорила Катя. И еще раз: — О господи!» Но за ней, кажется, никто не гнался. Черный человек растворился в ночи — будто его и не бывало.

Катя остановила машину. Внутри все дрожало. Губы ее стискивали забытую сигарету. Она открыла дверцу и вышла из авто. Ноги подгибались. На секунду ей показалось, что она вот-вот грохнется в обморок, поэтому до крови закусил губу. Руки вцепились в полураскрытую дверцу. Пытаясь сдержать слабость, Катюша принялась разглядывать обшивку любимого «фиатика».

На левой стойке явственно было видно пулевое отверстие — черная дырочка со стального цвета краями.

ДОЦЕНТ, ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ И ГОЛУБОГЛАЗАЯ

*Павел,
Москва,
6 января*

В православный сочельник в России работают только продавцы винно-водочных товаров, трудоголики и акушеры.

Ни к одной из вышеперечисленных категорий населения я не принадлежал. И ни за что не приехал бы сегодня в офис, но вчера почти в полночь мне домой позвонила давняя клиентка (и, можно сказать, боевая подруга) Таня Садовникова. Я оказался нужен. Срочно нужен. Хорошей знакомой Тани требовался надежный и умелый частный детектив. По мнению Татьяны, под эти определения я подпадал. И она меня рекомендовала. Спасибо ей, конечно. Но этого мало. Она вдобавок договорилась — от моего имени! — что новая клиентша прибудет в мой офис сегодня в одиннадцать ноль-ноль.

В одиннадцать ноль-ноль в сочельник. Не самое веселое занятие в канун Рождества — выслушивать обиженных кем-то дамочек!..

Часы показывали четверть двенадцатого. Клиентка запаздывала. Я коротал время, просматривая дела минувшего года, и отправлял содержимое папок в мусорную корзину. Аппарата для уничтожения документации в моем оргтехническом арсенале нет. Позже Римка сожжет старые бумаги на заднем дворе.

Дело о черном шахматном коне... К черту!.. Дело Тани Садовниковой — Бориса Барсинского... Порвать и выбросить!.. Дело «Золотой ключик»... Дело об особняке без окон... В корзину!..

Римка — моя секретарша, автоответчик и кофевар (интим не предлагать!), как всегда по утрам, красила ногти. Обычно она делает это стыдливо. Сегодня же занималась сим процессом не только не таясь, но, я бы даже сказал, вызывающе. Весь ее вид словно говорил:

«Раз уж, Пашенька, сегодня, в канун Рождества, я так понадобилась тебе — терпи! И запах лака терпи, и мои косметические процедуры!»

Тут дверь офиса растворилась, и в контору вошла девушка. Точнее сказать, молодая женщина лет тридцати от роду. Она была просто, неброско, но, очевидно, дорого одета. На ее черных волосах и на коротком модном пальто блестели капельки дождя. (Рождество нынче выдалось кислым, теплым.) Лицо посетительницы не было особо эффектным — если вы, конечно, поклонник карамельных плэйбойских блондинок. Но если вы настоящий ценитель гармонии — в женском лице, душе и сердце, — вам, как и мне, стала бы очевидной ее неброская, необычная красота. Главным украшением лица гостьи оказались глаза. Большие, глубокие и, я бы сказал, не по летам мудрые. И еще — они были голубыми. В сочетании с короткими жгуче-черными волосами незнакомки получалось удивительное, контрастное зрелище. В наши годы достижений косметологической промышленности не проблема придать прическе нужный окрас; легко также вставить цветные линзы — но я отчего-то уверился, что колер ее волос и глаз был естественным, природным. Черноволоса и голубоглаза... Это приковывало внимание. Кроме того, обращали на себя внимание губы девушки: они были чувственными, яркими, полными. «Счастливцев, — против воли подумалось мне, — тот, кто имеет право каждодневно преникать к ним!»

— Вы — Павел Синичкин, — глядя на меня в упор, утвердительно сказала посетительница. Голос ее был низковат — я бы даже сказал, чуть хрипловат, но это придавало ей дополнительный шарм.

— Так точно, — вздохнул я, прекратив разбор архивов и протянув девушке свою визитную карточку. На ней значилось:

**Детективное агентство
«ПАВЕЛ»**

А ниже, в углу, гораздо более мелким шрифтом:

*Павел Синичкин,
частный детектив
лицензия №.....*

Все-таки для работника в некотором роде правоохранительных органов у меня была крайне неподходящая, легкомысленная фамилия. Честно скажу, я ее стеснялся.

Незнакомка, в свой черед, достала из маленькой черной сумочки визитку и передала ее мне через стол.

На карточке значилось:

**Екатерина Сергеевна
КАЛАШНИКОВА**
*доцент кафедры английского языка
Московской государственной
лингвистической академии,
кандидат филологических наук*

— Римма, кофе — гостье! — прокричал я. — И вешалку!

— Чай, — поправила меня Екатерина Сергеевна.

— Чай — гостье! Вешалку! И конфеты!

— Конфет — не надо. Чай — без сахара.

Римка вышла из своего закутка и отобрала у очаровательной доцентши пальто. Я указал ей на стул для посетителей. Екатерина Сергеевна села.

Римка принесла ей чашку чаю, а мне, как всегда, крепчайшего кофе. Метнула в мою сторону оскорбленный взгляд. На этом, похоже, ее сегодняшние обязанности закончились. Поэтому ее уничижительный взор как бы говорил: и ради того, чтобы подать ей чаю, ты вытащил меня с заснеженной дачи в Абрамцеве, от друзей и подруг! Удивительно много, черт возьми, берут на себя современные секретарши! Я ответил Римке более чем суровым взглядом.

— Я бы попросил вас, Римма, — официальным тоном сказал я, — продолжить разборку и уничтожение архивов за прошлое столетие.

Когда дверь, ведущая в Римкин закуток, закрылась, я сказал весьма мягко голубоглазой филологине:

— Чем могу быть вам полезен?

Екатерина Сергеевна Калашникова рассказала о вчерашнем происшествии на перекрестке у кинотеатра «Пушкинский». Говорила она с характерными для пре-

подавателя интонациями, ясно формулировала свои мысли. «Похоже, студенты ее обожают, — невольно подумалось мне по ходу рассказа, — а кое-кто из них, верно, в нее даже влюблен».

— И чем же, по-вашему, я могу быть вам полезен? — спросил я, когда прекрасная доцентша закончила свой рассказ.

— Вы же — детектив... — несколько удивленно протянула госпожа Калашникова.

— Видите ли, уважаемая Екатерина Сергеевна, если вы считаете, что вам угрожает опасность, и хотели бы, чтобы я обеспечил вашу круглосуточную охрану, — вы обратились не по адресу. В моем агентстве просто нет сил, потребных для этого. Да подобное мероприятие к тому же, прямо скажем, не из дешевых...

Она сделала отрицательный жест.

— Если же вы желаете, — продолжил я, — чтобы просто был найден злоумышленник, — за это можно взяться. Если мы с вами, конечно, столкнемся о цене.

Филология своим грудным, хриловатым голосом сказала, что она, конечно же, предпочитает последний вариант.

Я удовлетворенно кивнул.

Далее между нами последовал небольшой торг. Затем мы заключили устное соглашение, о деталях которого я распространяться не буду. Они интересны только налоговой инспекции.

Екатерина Сергеевна сразу же передала мне аванс и деньги на текущие расходы (наличной «зеленью»). Я бросил доллары в сейф. С этой минуты госпожа Калашникова стала моей клиентшей.

— Ваш рассказ был вполне удовлетворителен и исчерпывающ, — сказал я, — однако позвольте задать вам несколько дополнительных вопросов... — Я заметил, что сам невольно перехожу на преподавательскую лексику: неужто магия ее голубых глаз и чуть хриловатого голоса столь сильна? — Но, может быть, еще чаю?... — прервал я сам себя.

— Нет, спасибо.

— Римма, мне еще один кофе!

— Да, Павел Сергеевич, — пискнула Римка за перегородкой.

Пока готовился кофе, я начал опрос пострадавшей:

— Итак, после всего происшедшего вы остановились на Тверской. Осмотрели машину. Убедились, что в вас стреляли... Вы обратились в милицию?

— Нет. А зачем?

— Что вы делали, когда обнаружили пулевое отверстие? Поподробней, пожалуйста.

— Я... Я выкурила сигарету... Затем завела мотор и поехала домой... Ну, а дома... Дома рассказала обо всем мужу... Он убедил меня обратиться к частному детективу... Затем напоил меня снотворным и отправил спать.

— А сегодня?

Она пожала плечами.

— Мы с ним поехали к вам.

— Так где же ваш муж?

— Сидит в машине. Проверяет курсовые. Там хорошая печка.

— Вы ему не доверяете? — резко спросил я.

Она ответила мгновенно:

— Доверяю. Но стрельба в меня — это же *мое* дело, верно?

— Я могу осмотреть машину?

— Конечно. И познакомиться с мужем — тоже.

— Хорошо. Но это, если не возражаете, чуть позже... Еще вопрос... Кажется, вас там, на перекрестке, поджидали... Кто мог знать, что вы именно в тот час окажетесь именно в том месте?

— Я каждый день этим путем езжу после занятий домой... А в какое время у меня заканчивается пара или экзамен с консультацией — мог знать любой мой коллега... Или — любой студент... Или — тот, кто не сочтет за труд зайти в институт и посмотреть расписание...

— Где вы работаете? Территориально?

— На Сретенском бульваре.

— А живете?

— В Петровско-Разумовском переулке. Недалеко от метро «Динамо».

— Вы всегда ездите домой из института одним и тем же путем?

— Как правило, да.

— Могу я попросить вас в дальнейшем изменять свой маршрут?

— А вы считаете, что... — она сделала короткую паузу, словно не могла с ходу выговорить следующее слово, — что... *покушение* может повториться?

— Береженого бог бережет... — неопределенно сказал я. — У вас в вузе есть охрана?

— Весьма номинальная.

— Далеко ли вы паркуете машину от вашей академии?

— Как когда.

— А от своего дома?

— У нас есть платная стоянка. Метрах в ста от подъезда.

— Есть ли в вашем подъезде консьержка?

— Да.

— Вы не могли бы какое-то время оставлять ваш автомобиль под окнами дома?

— Могла бы... Вы думаете, все так серьезно?

— Я пока ничего не думаю... Но я хотел бы получить свой гонорар от вас лично — живой и невредимой. — Я внимательно посмотрел в ее голубые глаза. — Я достаточно ясно выражаюсь?

— Вполне.

— Ну и славно! Теперь перейдем к вашему незнакомцу с пистолетом. Опишите его как можно подробней.

— Я же вам говорила: он был в маске. И видела я его только полсекунды.

— Рост?

— По-моему, около ста семидесяти. А может, и выше.

— Может, сто восемьдесят?

— Может быть.

— Возраст?

— Понятия не имею.

— В чем он был одет?

— В чем-то черном... Пальто... Длинном плаще... Что я могла увидеть?!

— Это был мужчина? Или женщина?

Секундная заминка. Екатерина Сергеевна, казалось, с некоторым удивлением прислушивалась в этот момент к собственным воспоминаниям.

— Я даже не думала об этом... — наконец проговорила она. — Но, кажется, это был мужчина...

— Вы — наблюдательная современная женщина не

смогли — по походке, по движениям — отличить мужчину от женщины?!

— Я же говорю: я видела его краем глаза...

— Но вы все время употребляете мужской род: «его»... Значит, это все-таки был мужчина?

— Скорее — да. Но теперь я не уверена.

— А может быть, что-то в движениях, пластике этого человека показалось вам знакомым? Может, вы видели эту *фигуру* раньше?

Она прикрыла глаза и сосредоточилась, вспоминая.

— Нет, не видела... Но я не уверена... Кажется, не видела... Понимаете, на бульваре было темно... И я видела *этого человека*, — на этот раз она употребила неопределенный род, — от силы полсекунды... И, честно говоря, очень испугалась...

Было видно, что воспоминание о покушении все-таки не на шутку взволновало голубоглазую доцентшу. Она извинилась и попросила разрешения закурить. Разрешение было получено. Я достал из стола и подвинул ей пепельницу. Она закурила сверхлегкий «Кент» — баловство, а не сигареты.

— Хорошо, — сказал я, делая отстраняющий жест, — оставим пока этого человека... Вы не могли бы сказать мне, уважаемая Екатерина Сергеевна, как вы думаете: есть ли у вас враги?

— Не знаю... — Она глубоко задумалась. Потом решительно проговорила, глядя мне прямо в глаза: — До вчерашнего дня я считала, что — нет.

— А как вы считаете: кому была бы выгодна ваша, м-м, безвременная кончина?

По реакции посетительницы я понял, что над этим вопросом жертва покушения думала — возможно, мучительно — все сегодняшнее утро. Екатерина Сергеевна усмехнулась и посмотрела мне прямо в глаза своими бездонно-голубыми глазами:

— Двум старшим преподавателям с нашей кафедры. Один из них побыстрее мог бы стать доцентом.

— Как их фамилии? — я наострил карандаш.

— О господи!.. Это шутка — если вы не поняли.

— И все-таки?

— Вы что, станете их допрашивать?

— Екатерина Сергеевна, пожалуйста.

— Их фамилии — Терещенко и Вознюков. Но я бы очень не хотела, чтобы на кафедре стало известно о... — она подбирала формулировку, — словом, о моих проблемах.

— Понимаю. Очень хорошо понимаю. Не извольте беспокоиться.

— О вас мне дали самые лестные аттестации.

— Прошу не сомневаться, я их оправдаю... Продолжим, если вы не устали?

— Your welcome¹, — утомленно-снисходительно проговорила кандидат филологических наук.

— Я повторю вопрос: кому еще была бы выгодна ваша смерть?

Я спросил быстро, отрывисто. С этой девушки определенно надо было сбить спесь: пожалуй, она слишком привыкла помыкать своими студентами. И, наверно, мужем. Мне эти штучки не нравились.

— Не знаю.

Она ответила полуутомленно, чуть прикрыв глубокие глаза.

— Кто наследует ваше имущество в случае вашей смерти? Муж?

— Пожалуй, что нет. — Она задумчиво покачала головой: похоже, она уже успела, за вчерашний вечер и сегодняшнее утро, обдумать, в числе прочих, и эту версию покушения. — Или, если наследует, то с большими сложностями. Мы с ним не расписаны. Живем в гражданском браке.

— Давно живете?

— Около восьми лет.

— Совместно ведете хозяйство?

— Да.

— Вполне достаточно... Я имею в виду — времени вполне достаточно, чтобы суд признал вашим наследником именно его... А другие наследники?.. Дети?

— У меня нет детей.

— Родители?

— Отец умер... А мама... Ну, это смешно...

— Братья, сестры?

¹ Пожалуйста (англ.).

— Отсутствуют... Беда вся в том, мой дорогой Павел Сергеич *Мегрэ*, — она усмехнулась, — что у меня *ничего* наследовать.

— А квартира?

— Двухкомнатная, далеко не в центре. Рыночная цена — не больше шестидесяти тысяч долларов.

— Убивают и за сто рублей.

— Да, — усмехнулась она, — столовым ножом, по пьянке... Но не вырядившись в маску, не вооружившись пистолетом, не вычислив маршрут жертвы!

В ее голосе впервые прозвучали панические нотки. Что ж, не так плохо, прежде всего для нее самой: чтобы она слегка испугалась.

— У вас есть деньги на счету? — продолжал я давить на посетительницу.

— Минус четыре тысячи долларов, — усмехнулась она.

— Как это понимать?

— Долг за машину, — пояснила клиентша.

— Скажите, может быть, вам угрожали?

— Нет-нет, — поспешно, пожалуй, чересчур поспешно ответила госпожа Калашникова. — Мой кредитор — интеллигентный человек. И очень богатый. Для него эти четыре тысячи ничего не значат.

— Можно узнать, кто он?

— О боже!.. У меня такое ощущение, что вы, господин частный сыщик, лепите в белый свет как в копеечку — авось попадете в вальдшнепа!..

Она жестко глянула на меня.

Ну, мы справлялись и не с такими методами психологического (и не всегда только психологического) воздействия. Я спокойно выдержал ее взгляд и размеренно произнес:

— Уважаемая Екатерина Сергеевна! Вы являетесь моим клиентом. Вы платите мне деньги — на мой взгляд, немалые — за то, чтобы я нашел человека, стрелявшего в вас. И тем самым оградил бы вас от опасности, которая, возможно, вам все еще угрожает. Позвольте мне спрашивать вас то, что я считаю нужным спрашивать. И позвольте посоветовать вам — на то время, пока действует наш контракт, — поступать так, как я вам рекомендую.

В ответ на мою тираду она промолчала. Раздавила си-

гарету в пепельнице. Я воспринял ее молчание как знак согласия.

— Итак: имя вашего кредитора, — спокойно продолжил я.

— Шеляринский. Иван Исаакович Шеляринский.

— Тот самый?

— Тот самый.

Шеляринский был одним из тех, кого отечественная пресса полюбила в последнее время величать «олигархом». Четыре тысячи долларов были для него и в самом деле карманными деньгами.

— Откуда вы знакомы с Шеляринским?

— Мы учились с ним в одном классе.

— Вам можно позавидовать... Он дал вам деньги без каких-либо дополнительных условий?

— Я с ним не спала. И спать не собираюсь, — жестко сказала она. — Если вы это имели в виду.

— Вы отвечаете на вопросы, которых я не задавал...

Калашникова слегка покраснела.

— Вы не возражаете, если я осмотрю вашу машину? — продолжил я.

— А что, наш разговор уже закончен?

— Почти.

Мне показалось, что она вздохнула с облегчением.

Я встал. Очаровательная доцент тоже поднялась.

Я вышел в крошечный предбанник своего агентства. Достал из гардероба и подал Калашниковой пальто. Надел свою куртку.

— Будут звонить — перекинь на мобильник, — приказал Римке.

— Хорошо, Павел Сергеич.

Она, без сомнения, слышала сквозь тонкую перегородку, о какой сумме мы столковались с клиентшей, и теперь изо всех сил демонстрировала Екатерине Сергеевне свое секретарское послушание передо мной, великим.

Мы вышли в пустынные коридоры института «Энергопроект», который сдавал мне — и трем десяткам других фирм — помещение под офис (посему, замечу, его сотрудники могли не утруждать себя работой в сочельник).